

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ

Р. А. Вафеев

Изучение различных видов и типов межэтнического взаимодействия в современном обществе становится все более актуальным. Это связано с тем, что межэтнические установки, ориентация на межгрупповые контакты в разных сферах общения тесно связаны с соответствующими стратегиями межэтнического взаимодействия. В зависимости от степени важности сохранения культурной идентичности и участия в межкультурных контактах в теории контактологии традиционно выделяют четыре основные стратегии межэтнического взаимодействия: ассимиляция, сепарация, маргинализация и интеграция. Оптимальной стратегией адаптации этноса в полиэтническом обществе считается интеграция. Она связана с позитивным отношением к культуре как собственной, так и этноконтактных групп, что находит свое выражение в формировании позитивных авто- и гетеростереотипов. В качестве интегральных социально-перцептивных показателей типов этнокультурной адаптации этнических групп выступают явления этнической толерантности.

Радикальные изменения, происходящие как в мире, так и в российском обществе в последнее время, актуализировали тему этнического бытия. В современном мире практически нет ни одного государства, «все граждане которого говорят только на одном языке» [4: 87]. Учёные, занимающиеся исследованием заимствований с помощью интегрированных наук (лингвокультурология, лингвофилософия, этнолингвистика и т. д.), отмечают, что заимствованная единица не должна исследоваться как чисто лингвистическое явление. Заимствования являются результатом взаимодействия культур, следовательно, появление новых понятий в языке является результатом обмена культур [3]. М. Хайдеггер подчёркивал, что, выявляя заимствования в языке-реципиенте, учёные проникают вглубь истории: «**мы заплываем в чужое**» и таким образом «**постигаем своё**». Изучение заимствованных единиц состоит, по его мнению, из проведения этимологического анализа слов неродного происхождения, который может помочь углубиться в прошлое, и на основании этого строить своё грядущее [7: 209]. Адекватными «ответами» на процессы глобализации стали «этническая революция», «этническая экспансия» во всех сферах жизни социума, еще большее стремление народов сохранить свой язык, культуру, идентичность, традиции и обычаи. В связи с этим, достаточно остро воспринимается представителями различных народов те или иные комментарии, появляющиеся в Интернете и других СМИ относительно вербального и паравербального поведения носителей иной культуры.

Проблемы взаимодействия нации и государства являются настолько острыми и идеологизированными, а теоретические подходы к этим сферам социальной реальности настолько зависимы от мировоззренческих позиций авторов, что понимание между представителями разных направлений научной мысли становятся весьма затруднительными. Вместе с тем усиление интереса языковедов к проблемам индивидуально-деятельностного начала исследуемых процессов является следствием общей тенденции к гуманизации научного знания как такового. Эта тенденция способствует, прежде всего, преодолению редуccionизма системно-структурного языкознания, изучающего язык «в самом себе и для себя» [Соссюр, 1977: 9]; и, кроме того, создает почву для творческого сотрудничества лингвистики со смежными науками, способствуя формированию новых подходов и новых отраслей знания.

Федеральный закон об экстремизме и терроризме актуализирует проблемы определения границы «свой/чужой» внутри конкретной языковой личности. Например, около 30 % жителей Сургута «не видят ничего дурного в интолерантном поведении», от 32 % до 42 % довольно часто совершают интолерантные поступки, четко понимая при этом их несовместимость с правилами человеческого общежития [6: 104]. Вербализация отношения к этничности (или ее признакам) может играть существенную роль в психической адаптации человека к его внутренней и

внешней среде. Недостаток адекватных инструментов идентификации ситуаций, социальных процессов, влияющих на разработку, коррекцию и реализацию этнополитики на региональном уровне, привел к росту интолерантности, появлению дискриминационных практик. Это, в свою очередь, порождает рост этнополитической напряженности, конфликтные ситуации, а иногда и прямое сопротивление отдельных этнических групп, выливающееся в открытые конфликты, террористическое противостояние.

Факторами, влияющими на уровень толерантности/интолерантности в обществе, является, во-первых, общая социальная ситуация, в которой живут люди, во-вторых, ситуация в конкретном сообществе, членом которого является индивид, в-третьих, специфический тип культуры межличностных и социальных отношений. В основе российской культуры, которую можно назвать социоцентрической (в отличие от космоцентрической и эгоцентрической), лежит базовая дихотомия *свой – чужой*. Фундаментальной особенностью социоцентрической культуры – это растворение личности в некоем «Мы», какой-либо общности. Такая культура позволяет человеку осознавать себя лишь в качестве членов «своего круга». Другой важной особенностью социоцентрической культуры является постоянное присутствие в сознании индивида представления о неких других, неких чужих, которые являются врагами. Разделение на *своих* и *чужих* может проходить по разным основаниям. Самые частотные признаки деления – это национальный, религиозный и классовый. В рамках социоцентрической культуры все остальные смысловые оттенки понятия «толерантность» – поддержка, терпимость, соучастие и др. – применимы только по отношению четко и точно зафиксированным к *своим*. Отсюда неприятие *чужого* является обязательной характеристикой.

Следует подчеркнуть, что выделенный доминирующий тип культуры – это идеальная модель, практически не встречающаяся в чистом виде. Вместе с тем практика показывает, что на уровне национального самосознания существуют определенные стереотипы, фиксирующие преобладание данного типа культуры.

Адаптация определяется активностью личности и выступает как единство процессов аккомодации и ассимиляции в приспособлении структуры и функций индивида или группы к условиям той или иной этнической среды. Сам процесс адаптации можно рассматривать в когнитивном, эмоциональном и моторно-поведенческом аспектах. Так, сама культура неотделима от сравнения, а сравнение от культуры, ибо сравнение в широком смысле – это проблема тождества и различия. В этой связи не случайно О. Мандельштам писал в «Разговоре с Данте»: **«Я сравниваю – значит живу»**.

Человек в русской языковой картине мира постоянно сравнивается с другим человеком. И если сравниваемые похожи по характеру, поведению, социальному статусу или другим характеристикам личности, то о них говорят: **одного поля ягода, гусь (кулик) да гагара – пара, два сапога – пара, из одного теста сделаны, из одной плахи вытесаны, черти одной шерсти, одна шайка-лейка, одной масти, на один покрой, одним миром мазаны, того же сорта, оба хороши, один другого стоит, муж и жена – одна сатана, из одного кремня искра** и т. д. Белорусы и украинцы к этому добавляют: **обое рабое** (в значении оба одинаково плохие).

Специфическое национальное видение мира отражается в семантике сравнения. Проведенный нами эксперимент с носителями татарского, казахского и киргизского языков позволил выделить ряд типичных для них сравнений. Эти сравнения связаны:

- а) с географическими особенностями местности: **величественный как горы Кокше; глаза блестящие как вода Иртыша; глаза глубокие как вода Есиля (Ишима); лицо ясное как родник; рот большой как пещера; огород как урман; деньги как вода Иртыша** и т. д.
- б) с особенностями растительного и животного мира: **нос горбатый как у беркута; стройный как камыш; стройный как марал; быстрый как кабырга; звонкий как жаворонок, ленивый как ишак; кушает как лошадь; злая как собака** и т. д.
- в) широко распространены у казахов, татар сравнения с героями, сказочными героями национального эпоса: **голова умная как у Абая; смелый как Джалил, храбрый как Ке-**

несары; сильный как Кобланды; голос грудной как у Жамбула; лицо белое как у Кыз-Жибек; рука большая как у Акжола и т. д.;

- г) семантика сравнений связана со спецификой хозяйственной и культурной жизни народа: **волосы длинные как аркан; голова большая как казан; голос приятный как звуки кобыза; лицо красивое как луна; нос прямой как кобыз; стройная как стебли тугая; опьяняющий как кумыс и т. д.**

В ходе сопоставления двух предметов (заданного и искомого) обнаруживается общий признак (узнавание и восприятие), связывающий эти два предмета. А затем уже на основе общего признака сравниваются предметы. На этом этапе осуществляется конкретизация – подведение названий (понятий о предмете) под общую категорию близких понятий, обобщение их признаков. Связь логического приема сопоставления с ментальными процессами проявляется в том, что без сравнения представляется невозможным осуществление процесса познания, так как восприятие, узнавание предмета, концептуализация понятия о нем, категоризация через обобщение общих признаков сравниваемых предметов происходит на основе сопоставления общих признаков двух предметов и подведения их под одну категорию [2]. Логический прием сопоставления связан с языком, что проявляется в том, что результаты речемыслительной деятельности оформляются в языке, а также в том, что сопоставляются реально не предметы и явления, а их признаки, зафиксированные в языке. Сущность таких предметов для человека определяется только через восприятие, т. е. путем создания в сознании человека синтезированного представления о комплексе признаков данного предмета. В процессе сопоставления, следовательно, человек оперирует не самими существующими предметами, а только представлениями о них. Именно через сравнение осуществляется процесс языкового мышления, когда на основе сопоставления представлений о предметах, их признаках формируется новое понятие о предмете, концептуализируется понятие о нем на основе использования ранее имеющегося опыта (источник). Без предварительного сравнения и сопоставления предметов невозможно осуществить процесс восприятия предметов реального, который реализуется в ходе узнавания и идентификации предметов, выявления их общих и отличительных признаков. А это достигается только через процесс сравнения [2].

Интерференция сопряжена с догадками на основе имеющегося опыта, с интуицией. Она представляет собой такую мыслительную операцию (когнитивную операцию), которая позволяет человеку выходить за пределы буквального значения единиц, видеть за анализируемой языковой формой большее содержание, чем зафиксировано ее отдельными частями. Это операция извлечения смысла или информации из текста или дискурса, которая в них, казалось бы, напрямую, непосредственно не представлены.

В ходе реализации когнитивной операции интерференции при представлении когнитивных структур знаний (цели) и источника, интерференция имеет место при представлении элемента С, когда на основе выявления общих признаков предмета (темы), представляющего цель и образа делается вывод о сходстве, уподоблении двух различных предметов. Интерференция не только позволяет сделать вывод о сходстве двух областей знания, но и позволяет выявить дополнительный смысл, возникший на основе уподобления цели и источника. Согласно учению когнитивной семантики, можно говорить об изменении семантики слов, о появлении контекстуальных значений слов как внеязыковых смыслов, не имеющих мотивированности со стороны их исходных значений. Контекстуальные значения становятся объяснимыми в когнитивном аспекте за счет расширения или смещения референтного пространства знаков, которые в силу причинно-следственных отношений способны обладать не только реальными, но и потенциальными внутренними формами. Применительно к сравнению можно говорить о появлении дополнительных смыслов и ассоциатов, оценок в процессе творческого преобразования образа, осмысления его, выявления каких-то дополнительных признаков, видимых только субъекту. Следовательно мы можем сделать вывод, что лингвистические механизмы объективации действительности способствуют толерантности в межэтническом диалоге, обогащая контактирующие языковые картины мира.

В процессе употребления сравнения в речевой деятельности людей могут возникнуть семиоимпликационные значения, которые появляются в речевой деятельности людей, использующих тот или иной знак. Речь несет информацию имплицитную и эксплицитную информацию.

Помимо прямого ее значения, т. е. кодифицированной знаковой информации, она служит источником дополнительной информации, извлекаемой из всех составляющих речевую деятельность компонентов и относящихся к ее конкретному исполнению в конкретных обстоятельствах. Эта информация не является собственной принадлежностью знаков, как таковых, закрепленных за ними и воспроизводимых значением, она не вытекает из знания самого языка, а усваивается из знания мира и знаковой деятельности людей, не из знаковых, а импликационных связей речевых фактов.

Анализ когнитивной структуры сравнения показывает, что в процессе реализации сравнения взаимодействуют не две когнитивные структуры, репрезентирующие знания (цель и источник), но и имеет место когнитивная структура знания, возникшая как результат интерференции – выводного знания на основе сопоставления двух предыдущих структур. Этот тип знаний репрезентирует представления о субъективном отношении человека к сравниваемым объектам, дает сведения об ассоциатах, сближаемых на основе уподобления, дает возможность организовать семантическое пространство концепта сравнения: реализовать ассоциативное поле, так как предмет сравнения согласно закону изобразительности может ассоциироваться со многими образами. Один предмет может характеризоваться через множество образов, смысловыми нюансами связывающих цель и источник (образ).

Мыслительная деятельность, имеющая место в процессе языковой деятельности в ситуации приграничья представляет собой не застывший феномен, а динамический процесс, поэтому возможным становится сближение самых разных представлений о предметах, образах, выявление разнообразных их признаков, отыскиваемых субъектом в ходе его познавательной деятельности. Поэтому сравнение из разных языков-контактеров репрезентирует такие структуры значения, как: а) знания о предмете, представления о нем (область цели); б) знания об образе (источник); в) выводное знание о том, что на основе признаков, сближающих область цели и область источника можно ассоциировать различные предметы, даже косвенно имеющие отношение к сравниваемым вещам, явлению, но, тем не менее, связанными друг с другом неуловимыми нюансами смысла, оттенками семиоимпликационного значения, проявляющимися в силу актуализации познавательной деятельности субъекта.

На современном этапе мы наблюдаем повышенный интерес к языкам и культурам Востока, мусульманской философии, усиление и распространение позиций ислама как внутри РФ, так и за ее пределами, усиление миграции исламокультурных народов и, как следствие, возникновение проблем, связанных с функционированием их языков с языками народов-контактеров в ситуации полиэтнического диалога. Для оптимизации такого диалога в отечественном языкознании были заложены определенные предпосылки. В этой связи следует отметить, что сопоставительное изучение русского и татарского языков имеет длительную историю и традицию, которые уходят корнями вглубь веков. Еще первые «Азбуки» и «Грамматики татарского языка для русских учебных заведений», составленные и изданные в XVIII и XIX вв., в той или иной мере использовали метод выделения общего и специфического в изучаемых языках. Таковы труды И. Гиганова «Грамматика татарского языка», И. Хальфина «Азбука и грамматика татарского языка», А. Троянского «Краткая татарская грамматика» и др. Широко использовал метод сопоставления в своем исследовании «Грамматика русского языка (для татар)» академик В. В. Радлов – известный тюрколог второй половины XIX – начала XX вв.

Создателем сопоставительной грамматики татарского и русского языков в широком смысле этого слова был ученый, просветитель татарского народа К. Насыри. Его труды «Краткая татарская грамматика» и «Образец русско-татарской грамматики» являются первыми лингвометодическими пособиями, предназначенными для русских, изучающих татарский язык и для татар, изучающих русский язык. Оригинальное направление в сопоставительном изучении и преподавании татарского и русского языков представляет собой труд

М. Х. Курбангалиева и Р. С. Газизова «Систематическая грамматика татарского языка в сравнении с грамматикой русского языка». Теоретическая значимость работ данного направления заключается в том, что они дают возможность обнаружить новые интересные лингвистические факты и явления, которые остаются незамеченными при их отдельном исследовании, выявить общее и особенное в сравниваемых языках.

«Сопоставительное изучение языков имеет четко выраженную методическую ориентированность. Оно связано с обучением неродному языку, и поэтому предметом его исследования является бинарная характеристика изучаемого языка и родного. Сопоставительный анализ изучаемого и родного языков дает материал для полного и четкого определения трудностей, которые возникают в процессе овладения вторым языком, и это имеет огромное значение для овладения речью на изучаемом языке. Такой анализ позволяет выявить механизм интерференции и определить систему типов интерференции» [1: 99].

То, что представители одной культуры выдвигают и подчеркивают одни свойства животных, а представители другой культуры – иные свойства, нередко объясняется «мифологическим контекстом»: свойства, которыми наделены животные в мифах, легендах, сказках, былинах, закрепляются в представлении носителей данной культуры, и тот или иной признак ассоциируется впоследствии с определенным животным.

Таким образом, оптимальной стратегией адаптации этноса в полиэтническом обществе считается интеграция. Она связана с позитивным отношением к культуре как собственной, так и этноконтактных групп, выражающееся в устойчивом формировании положительных авто- и гетеростереотипов. В качестве интегральных показателей типов этнокультурной адаптации этнических групп выступают явления этнолингвистической толерантности.

Литература

1. Вафеев, Р. А. Татарско-русское двуязычие и аспекты билингвологии [Текст] / Р. А. Вафеев. – Tobольск, 2001. – 164 с.
2. Вафеев, Р. А. Двустороннее татарско-русское двуязычие и бинарное сопоставление языков: причинно-следственные отношения в сопоставляемых языках : дис. ... докт. фил. н. [Текст] / Р. А. Вафеев. – Tobольск, 2000. – 378 с.
3. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика [Текст] / В. А. Маслова. – Мн. : Тетра Системс, 2005. – 456 с.
4. Мустайоки, А. С. Толерантность в государственной языковой политике и коммуникации [Текст] / А. С. Мустайоки ; отв. ред. Н. А. Купина, О. А. Михалова // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. – Екатеринбург : Изд-во УрГУ, 2004. – С. 87–108.
5. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию [Текст] / Ф. де Соссюр. – М. : Прогресс, 1977. – С. 59–74.
6. Тен, В. А. Проблема этнотолерантности в российских СМИ [Текст] / В. А. Тен // Проблемы толерантности в полиэтническом регионе: исторический опыт и задачи современности: мат-лы научно-практической конференции. – Ханты-Мансийск, Сургут, 2005. – С. 104–113.
7. Хайдеггер, М. Введение к истоку художественного творения [Текст] / Г. Гадамер, М. Хайдеггер. – М. : Гнозис, 1993. – С. 117–132.